МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. КНОРОЗОВ

ДРЕВНЯЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В течение ста лет ученые Западной Европы и Америки пытаются расшифровать древнюю письменность народа майя. Большая часть рукописей майя была уничтожена испанскими монахами-изуверами XVI в. Случайно уцелевшие три рукописи, хранящиеся теперь в музеях Европы, и множество надписей на древних храмах майя — вот все, что осталось из памятников этой письменности. Неоднократные попытки прочесть эти ценнейшие памятники истории древней Америки были безуспешны. Большинство ученых подходило к расшифровке без учета истории культуры народа майя, делая совершенно невозможные и ненаучные сопоставления и предположения о родстве этой письменности с письменностью народов Древнего Востока. Немногие серьезные ученые, занимавшиеся этим вопросом, подходили к проблеме дешифровки, основываясь на идеалистических взглядах на историю общества, и исходили из предположения об идеографическом характере письма.

Ю. В. Кнорозов подошел к проблеме дешифровки по-новому. Основываясь на марксистско-ленинском учении о развитии общества, он отверг все предположения своих предшественников о путях развития иероглифического письма. Знакомство с древнеегипетской и китайской иероглифическими системами письменности дало ему возможность уловить основные принципы развития иероглифического письма и, в частности, понять основу системы иероглифики майя. В настоящей статье Ю. В. Кнорозов излагает принципы расшифровки письменности майя и дает основу для чтения надписей и рукописей майя.

Значение работы Ю. В. Кнорозова трудно переоценить. Только советский ученый, вооруженный марксистско-ленинской методологией и знанием законов общественного развития, мог сделать такой значительный шаг в разрешении проблемы, над которой столько времени безуспешно трудились буржуазные ученые.

1

Индейцы майя, создавшие письменность на рубеже нашей эры, являются одним из крупнейших народов современной полуколониальной Латинской Америки; они распадаются на несколько групп, говорящих на родственных диалектах.

В древности майя образовывали ряд мелких городов-государств, во главе которых стояли наследственные правители, знать (señores испанских авторов) и жрецы. Население состояло из зависимых от «сеньеров» общинников и рабов. Древние города майя насчитывали до 40 000 жителей. Ремесла и торговля были значительно развиты. По словам Д. де Ланда, юкатанские майя вывозили соль, ткани и рабов. Архитектура, скульптура, живопись и другие виды искусства, судя по дошедшим образцам, достигли высокой степени совершенства.

В первые века нашей эры у майя уже был ряд крупных городов; наиболее значительные из них Тикал, Паленке и Копан. В X в. три юкатанских города-государства, Майяпан, Чичен-Ица и Ушмал, образовали конфедерацию (так называемая «Майяпанская Лига»). Два столетия спустя правитель Майяпана Хунак Кель победил правителя Чичен-Ицы Чак-Шиб-Чака и захватил власть в свои руки, опираясь на мексиканских наемников (так называемая «тирания Кокомов»). Гегемония Майяпана окончилась разрушением его соединенными силами знати во главе с правителем Ушмала.

Вторгшиеся в Юкатан испанцы застали там враждующие мелкие государства. Междоусобная борьба явилась главной причиной успехов завоевателей. Тем не менее, хотя и порознь друг от друга, мелкие государства майя героически сопротивлялись. Первые попытки высадки испанцев (1517) были отбиты, несмотря на огонь испанской артиллерии. Десант Франсиско Монтехо, уже получившего от испанского короля титул губернатора Юкатана, вскоре после высадки (1527) принужден был позорно бежать от восставших индейцев. Только сыну Франсиско Монтехо удалось покорить Юкатан, ослабленный новыми внутренними войнами и страшным голодом (1541—1559). Сопротивление продолжалось и после завоевания и подавлялось зверскими расправами. Последнее независимое государство майя Тайясаль (Гватемала) было завоевано в 1697 г. Земли и население завоеватели разделили по своим поместьям. Невыносимый гнет вызывал неоднократные восстания. Особенно крупным было восстание 1847 г. (так называемая «война рас»).

Древняя культура майя является предметом особого внимания со стороны ученых США. Особенно за последние годы всячески рекламируется высокий уровень древнеамериканской цивилизации, в сравнение с которой не может идти якобы не только Древний Восток, но и классическая Греция. Таким образом, делаются попытки установить «приоритет» древнеамериканской цивилизации во всем мире. При этом, разумеется, ученые США старательно подчеркивают, что современные майя совершенно выродились и оказались не в состоянии «удержаться на уровне своих великих предков». Истинными их преемниками являются, надо полагать,... англо-саксы! С другой стороны, увлечение древней культурой майя объясняется стремлением ряда ученых уйти от современности в призрачную область «самой блестящей в мире цивилизации» и мало чем отличается от увлечения буддизмом, дзуфизмом, спиритизмом и прочей мистикой. «Наша собственная культура — говорит Томпсон, — противоположна культуре майя; материально она имеет бесконечные богатства и возможности, но духовно она безнадежно истощена»[1]. В руках ученых США древняя культура великого народа превращается в теолого-астрологическую галиматью. Так, по мнению крупнейшего специалиста Морли, древняя культура майя сводится к теологии, в которой они достигли всяческих совершенств, в отличие от инков, более увлекавшихся делами государственного устройства. Томпсон находит, что «ритм времени очаровал майя»[2], почему они и занимались в основном разработкой священного календаря, представлявшего собой, по Томпсону, настоящую «симфонию времени». В действительности жреческий календарь майя (комбинация более древнего циклического летоисчисления и летоисчисления по эре) решительно никаких сверхъестественных черт не имеет, а принцип согласования солнечного года с 13-дневной «неделей» с другими циклами ничем не отличается, например, от «вруцелета», употреблявшегося для определения даты подвижных христианских праздников.

---

[1] J. E. S. Thompson, Maya Hieroglyphic Writing. Introduction. Carnegie Institution of Washington, Publ. 589, Washington, 1950, стр. 296.

[2] Там же, стр. 1.

Реакционная сущность подобной трактовки древней культуры майя, используемой в целях всякого мракобесия, совершенно ясна.

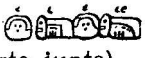
2

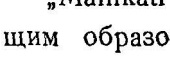
В 1561 г. францисканский провинциал[3] Диэго де Ланда устроил в древней столице Юкатана г. Мани ауто-де-фе, на котором сжег книги народа майя. «Мы нашли у них большое количество книг,— пишет Ланда,— и так как в них не имелось ничего, кроме суеверия и лжи диавола, мы все их сожгли, о чем они удивительно сожалели». Отосланный в Испанию за узурпацию прав епископа и инквизитора, Ланда вновь возвратился в Юкатан через 12 лет. За это время он написал «Сообщение о делах в Юкатане», где приводит некоторые подробности о сожженных им книгах.

По словам Ланда, письменность была достоянием исключительно жрецов. «Некоторые знатные сеньеры знали эти науки из любознательности и поэтому были еще более уважаемы, хотя никогда не пользовались этим публично». Жрецы майя «заботились о службе в храмах, обучении наукам и писании книг». «Науки, которым они обучали, были: счет лет, месяцев и дней, праздников и церемоний, управление их святынями, несчастные дни и периоды, способы гадания и пророчества, события, лекарства против болезней, их древности, умение читать и писать буквами и знаками, которыми они писали, и фигурами, которые объясняли письмена».

«Они писали свои книги на большом листе, согнутом складками, который сжимали между двумя дощечками, сделанными очень красиво. Они писали с одной и с другой стороны столбцами, следуя порядку складок; эту бумагу они делали из корней одного дерева и покрывали ее белым лаком, на котором можно хорошо писать».

«Эти люди употребляли также определенные знаки или буквы, которыми они записывали в своих книгах свои древние дела и свои науки. По ним, по фигурам и некоторым знакам в фигурах они узнавали свои дела, давали знать и обучали».

«Из их букв я помещу здесь азбуку (un a, b, c); их громоздкость не позволяет больше, ибо они употребляют для всех согласных (las aspiraciones) буквы из одного знака (de un caracter) и затем, для соединения частей,— другой, и таким образом делается in infinitum, как можно видеть в следующем примере. „*Lé*“ значит „петля“ и охотиться с ней; чтобы написать это их знаками, хотя при произношении нам слышатся две буквы, они писали тремя, помещая к согласной „*l*“ гласную „*e*“, которую она имеет перед собой. И в этом они не запутываются, хотя употребляют их, если пожелают, по своей прихоти. Пример:  Затем в конце они приписывают соединительную часть (la parte junta). „*Ha*“ значит „вода“; так как [буква] hache имеет *a*, *h*, они помещают сначала впереди „*a*“, а в конце следующим образом: Они также пишут по слогам (a partes), но одним и другим способом; я не поместил бы здесь и не трактовал бы об этом, если бы не хотел дать полный отчет о делах этого народа.

„Mainkati“ значит „я не хочу“; они это пишут по слогам следующим образом: 

[3] Должность в монашеском ордене св. Франсиска.

Следует их азбука:

букв, которые здесь отсутствуют, недостает в этом языке»[4].

Кроме того, Ланда приводит двадцать иероглифов дней и восемнадцать иероглифов месяцев.

«Они уже не употребляют ни для чего эти свои знаки,— говорит Ланда,— особенно молодежь, которая восприняла наши». Истребление майяского жречества при неграмотности широких слоев населения привело к быстрому и полному исчезновению всяких следов древней письменности. Литература майя после завоевания написана на их языке испанскими буквами; из иероглифов встречаются только знаки дней и месяцев (книги Чилам Балам). От костров испанской инквизиции уцелело всего три рукописи майя, вывезенные в Европу первыми завоевателями — Дрезденская, Мадридская и Парижская (как их называют по месту хранения)[5]. Содержание их, к сожалению, теолого-астрологическое, и особенного интереса они не представляют.

Археологическими экспедициями XX в. открыто громадное количество надписей на стэлах, алтарях, стенах зданий, керамике, статуэтках и т. п. в целом ряде древних городов майя, лежавших в развалинах задолго до испанского завоевания. Древнейшие датированные надписи майя восходят к началу III в. н. э. Таким образом, памятники письменности майя (а также некоторых соседних народов, заимствовавших у майя письмо) охватывают громадный промежуток времени более тысячелетия, большую территорию (от штата Вера Крус до Сальвадора) и имеются в достаточном количестве, чтобы служить солидным историческим источником. Они являются почти единственными памятниками письменности на континенте Америки до Колумба, поэтому историческое значение их особенно велико.

3

Изучение письменности майя началось сто лет назад. Уцелевшие рукописи были изданы Кингсборо в 1831—1848 гг.[6] Рукопись Ланда опубликовал Брассер де Бурбур в 1864 г. Авторы второй половины XIX в. исходили из «теорий» заселения Америки десятью коленами Израиля, выходцами из Египта через Атлантиду, и т. п. Ле-Плонжон предположил обратное заселение из Америки и даже нашел в Юкатане могилу Авеля. Поскольку авторы этого направления так или иначе связывали майя с народами Древнего Востока, они пытались искать прямые аналогии между знаками майя и египетскими, греческими и другими, разумеется, безуспешно. Объективной заслугой этого на-

---

[4] D. de Landa, Relation des choses de Yucatan, Paris, 1864, гл. XLI и VII.

[5] Впрочем, практичные американцы сфабриковали несколько десятков подделок рукописей майя, продавая их научным организациям по баснословным ценам. Подделываются не только майяские, но и древние испанские рукописи. Одну из таких подделок Гэйтс, не разобравшись, издал в факсимиле (!). См. W. Gates, The Gomesta Manuscript of Maya Hieroglyphs and Customs in Facsimile, Maya Society, Publ. № 7, Baltimore, 1935; F. Blom, The «Gomesta Manuscript»—a Falsification, Maya Research, vol. II, № 3, 1935).

[6] E. K. Kingsborough. Antiquities of Mexico. 9 vols. London, 1831—1848. Дрезденская рукопись майя в III томе.

правления было накопление материала. Кингсборо опубликовал рукописи майя и ацтеков в 9 томах in folio. Брассер де Бурбур издал рукопись Ланда, открыл манускрипт Троано[7] и предпринял первые попытки расшифровки. Ле-Плонжон привлек внимание к текстам на камне.

В это время начал впервые трактоваться вопрос, — какого характера письмена у майя: идеографического или фонетического. У сторонников «фонетического» толкования главным козырем был «алфавит Ланда». На «алфавите Ланда» основывались Брассер де Бурбур, Рони, Шаранси, Ле-Плонжон, Крессон, Боллерт, Томас, Пусс, де Ляршфуко. Однако из попыток применить его к чтению текстов ничего не выходило, кроме курьезов. Из оппонентов «фонетического» толкования наиболее крайнюю позицию занял Валентини, [8] предположивший, что знаки Ланда — просто рисунки предметов, майяские названия которых начинались с нужной Ланда буквы испанского алфавита, и что таким образом «алфавит Ланда» вообще недоразумение. Другие ученые, например Бринтон[9], заняли «среднюю» позицию, полагая, что письменность майя вообще идеографическая, но изредка могут встречаться фонетические знаки по принципу ребуса (Бринтон называет такого рода письмо «икономатическим»).

В конце XIX в. Шелльхас (Германия) приступил к изучению рукописей майя с совершенно новых позиций. Он занялся сличением текста и рисунков под ним, установив таким образом несколько иероглифов главных богов пантеона майя (при этом, разумеется, оставалось неизвестным, как читался данный иероглиф) [10]. Тоззер и Аллен [11] тем же способом установили ряд иероглифов животных. Однако возможности такого рода методики оказались ограниченными, и дальнейшего развития она не получила. «Алфавит Ланда» при этом вовсе игнорировался, и предполагался чисто идеографический характер письменности.

За несколько лет до Шелльхаса директор Дрезденской библиотеки Ферстеманн издал комментарий к Дрезденской рукописи [12]. Ему удалось установить принцип написания больших чисел у майя и доказать календарно-астрономический характер значительного числа знаков в рукописях. Вскоре были установлены «лицевые» варианты чисел в надписях и стало возможным понимать даты майя. С этого времени внимание ученых переключилось на календарь, и под изучением иероглифов майя стало пониматься изучение календаря. Баудич систематизировал в 1910 г. все предшествующие знания по арифметике, календарю и астрономии майя. Крупнейшие ученые занялись углубленным изучением хронологии, проблемой синхронизации европейскому летоисчислению и т. п. (Зелер, Морли, Томпсон, Спинден, Типл, Эрнандес и др.). Изданное в 1915 г. Морли «Введение в изучение иероглифов майя» вопреки своему заглавию ни о чем, кроме календаря, не трактует. Во время господства этого направления (первое тридцатилетие XX в.) изучение письменности майя зашло в тупик, хотя был введен в научный оборот громадный материал по надписям, развернулось изучение археологии, была установлена стратиграфия.

---

[7] Часть Мадридской рукописи.

[8] P. J. J. Valentini, The Landa Alphabet; a Spanish Fabrication. Proceeding of the American Antiquarian Society, Worcester, Massachusetts, 1880, № 75.

[9] D. G. Brinton, A Primer of Mayan Hieroglyphics, University of Pennsylvania, Series in Philology, Literature and Archaeology, vol. III, No 2, Philadelphia, 1895.

[10] P. Schellhas, Die Göttergestalten der Mayahandschriften, Dresden, 1897.

[11] A. M. Tozzer and G. M. Allen, Animal Figures in the Maya Codices, «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology», Harvard University, vol. IV, № 3, Cambridge, 1910.

[12] E. W. Förstemann, Erläuterung zur Mayahandschrift der Königlichen öffentlichen Bibliothek zu Dresden, Dresden, 1886.

Типл полагал, что у майя вообще не было никаких знаков, кроме цифровых и астрономических (sic!). Зелер отстаивал чисто идеографический характер письменности, Морли, Спинден и Томпсон допускали наличие ребусных знаков. «Алфавит Ланда» оставался совершенно вне поля зрения. Когда Женэ в 1928 г. переиздал Ланда, он предложил следующий комментарий: во времена Ланда был создан новый «испано-майяский» алфавит, который и приводит Ланда, до этого же майя писали чисто идеографически; что касается примеров начертания слов, то майя писали по непонятной причине не буквы, а названия букв [13].

С 1930-х годов вновь оживился интерес к рукописям и «алфавиту Ланда». Как мало продвинулось до этого времени их изучение, можно судить по тому, что Вильякорта, издавший рукописи в 1930 г. (Гватемала) [14], комментируя их, не имел других предшественников, кроме Шелльхаса, Ферстеманна и Томаса, писавших на 30 лет раньше.

В 1931 г., через сто лет после опубликования рукописей, появился, наконец, каталог знаков Гэйтса [15]. Серьезной критики он не выдерживает, так как составлен в высшей степени непоследовательно, простые знаки и сочетания смешаны, а значительная часть знаков вообще не удостоилась каталогизации, будучи объявлена вспомогательными «аффиксами» при «основном» знаке. Тем не менее известную ценность представляют конкорданции к рукописям и отдельные наблюдения. Сторонник «идеографического» толкования, Гэйтс не привлекал «алфавит Ланда» и пытался толковать ряд текстов как чисто идеографические.

В 1933 г. Ворф, опираясь на вновь извлеченный на свет «алфавит Ланда», попытался толковать тексты как фонетические [16]. В полемику с ним вступил Лонг, утверждавший, что майя не имели «настоящего» письма, а только чисто идеографическое «эмбрио-письмо»,[17]. Через несколько лет безуспешную попытку читать тексты фонетически повторил Вольф (Германия). Ворф выступил еще раз в 1941 г. со статьей, в которой пытается перевести одну фразу из Мадридской рукописи и приводит список якобы фонетических значений ряда знаков [18].

Спинден в обзорной работе «Древние цивилизации Мексики и Центральной Америки» (1922) дает следующий список известных иероглифов майя:

1. 20 иероглифов дней (приведены у Ланда).
2. 19 иероглифов месяцев (приведены у Ланда).
3. Знаки четырех стран света и связанных с ними цветов (установлены Рони в 1876 г.).
4. Знаки периодов времени и лицевые варианты чисел от 0 до 19 установлены Ферстеманном и Гудманом в конце XIX в.).
5. Знаки главных богов (установлены Шелльхасом в 1897 г.).
6. Символы солнца, луны, Венеры, Марса, Юпитера (установлены Ферстеманном).

---

[13] D. de Landa, Relation des choses de Yucatan, t. II, Paris, 1928.

[14] J. A. Villacorta a. C. A. Villacorta, Codices Mayas, Guatemala, 1930. Лучшее научное издание рукописей с ценными комментариями.

[15] W. Gates, An Outline Dictionary of Maya Glyphs, Maya Society, Publ. No. 1, Baltimore, 1931.

[16] B. L. Whorf, The Phonetic Value of Certain Characters in Maya Writing, Papers of the Peabody Museum, vol XIII, No. 2, Cambridge, 1933.

[17] C. E. Richard and B. A. Long, Maya and Mexican Writing, Maya Research, Vol. II, No. 1, 1935.

[18] B. L. Whorf, Decipherment of the Linguistic Portion of the Maya Hieroglyphs, Smithsonian Institution, Report for 1941, Washington.

7. Некоторые реалистические иероглифы, главным образом знаки жертв (установлены большей частью Тоззером в 1910).

При этом следует иметь в виду, что остается совершенно неизвестным, как читались «установленные» иероглифы. Таким образом, в результате столетней работы известно приблизительно столько же знаков, сколько приведено у Ланда. Последние работы, в том числе Морли (1946) и Томпсона (1950), никаких новых материалов к этому списку не прибавляют, если не считать уточнения ряда календарных знаков «Введение» Томпсона 1950 г. по существу является расширенным повторением «Введения» Морли 1915 г., так как оно почти целиком посвящено календарю. Что касается собственно иероглифики, то Томпсон, подобно Гэйтсу, различает в сочетаниях «основной знак» и «аффиксы» (стр. 37), а знаки подразделяет на «ребусные», пиктографические, идеографические и знаки жестов (стр. 48—50). От прямых высказываний о типе письма у майя он воздерживается и, например, критикуя Ворфа, заявляет, что возражает не против его понимания письма, а против приводимых им примеров чтения (стр. 311). Относительно «алфавита Ланда» он говорит следующее: «Там (т. е. у Ланда.— *Ю. К.*) был также «ключ» к иероглифическому письму, который послужил источником многих споров. Когда усилия дешифровать рукописи майя при его помощи оказались бесплодными, он был объявлен испанской выдумкой (fabrication); вероятно, это не ключ и не мистификация. Кажется, Ланда спрашивал знаки майя для букв испанского алфавита, а информатор рисовал знак с похожим звуком. Так, когда Ланда сказал «*b*» (произносится в испанском «бе»), информатор нарисовал след, символ пути, ибо майяское слово «*be*» (произносится «бе») значит дорога, путь и т. д.» (стр. 28). «Вообще нет также сомнения, что Ланда ошибся в попытке извлечь алфавит майя у своего информатора. Символы майя обычно обозначают слова, изредка, может быть, слоги сложных слов, но никогда, насколько известно, не буквы алфавита» (стр. 46). Впрочем, верный своей эклектической позиции, Томпсон не отрицает полностью значения «алфавита Ланда». Так, толкуя одно из сочетаний как «cuch haab», он ссылается на Ланда, у которого первый знак этого сочетания имеет фонетическое значение «cu». Однако, поскольку тот же знак фигурирует как название дня Cauac и в иероглифах месяцев (названия которых не имеют слога «cu»), Томпсон не находит ничего лучшего, как выделить два варианта этого знака, один с «виноградным» элементом для иероглифов дня и месяцев, другой без такового (стр. 267). Замечательно, что Томпсон решился признать фонетическое значение знака *ti*[19], наткнувшись на такие случаи, когда решительно никакого другого значения подвести под него было нельзя (см. последний знак в третьем примере Ланда).

Резюмируя многочисленные попытки дешифровки в течение столетия, в которых принимали участие ученые США, Франции, Англии, Германии, Мексики, Гватемалы и других стран, П. Шелльхас выступил в 1945 г. со статьей под меланхолическим названием: «Die Entzifferung der Mayahieroglyphen ein unlösbares Problem? Ein Rückblick»[20], в которой высказывается за принципиальную невозможность расшифровать письменность майя[21].

---

[19] Правда, только для тех случаев, когда он является «префиксом» (стр. 251).

[20] «Ethnos», 1, 1945. Первая работа по дешифровке самого Шелльхаса появилась в 1897 г.

[21] В моем обзоре не упомянуты многие другие авторы, писавшие о иероглифике майя; перечисление их ничего не может добавить к охарактеризованным выше попыткам дешифровки.

4

Глубокомысленные высказывания Бринтона, Лонга, Морли, Томпсона и других ученых дешифровщиков США относительно «икономатического», «ребусного», «эмбрио»-письма и т. д. вызваны отсутствием у них самых минимальных эмбрио-представлений о иероглифике вообще.

Спор о том, какая у майя система письма — идеографическая или фонетическая, основывается, конечно, на определенной концепции развития письма. Хотя американские ученые полвека назад отказались от прогрессивного для того времени буржуазного эволюционизма, но поскольку как в теории письменности, так и в других областях знания ничего более убедительного у них не появилось, им приходится прибегать к официально опровергнутому и отвергнутому эволюционизму. Морли в своей последней работе «Древние майя»[22] излагает эволюцию письма следующим образом (гл. XII):

1-я стадия — пиктографическая, когда предмет или идея передаются рисунком, причем под рисунком ничего, кроме изображенного предмета, не подразумевается; пример: Альтамира;

2-я стадия — идеографическая, когда идея или предмет передается знаком, не имеющим сходства либо имеющим отдаленное сходство с ним; пример: китайская иероглифика;

3-я стадия — фонетическая, когда знак утрачивает всякое сходство с первоначально изображаемым предметом и обозначает только звук. При этом первоначально появляются слоговые звуки (типичным представителем этого этапа является, по Морли, египетская иероглифика), впоследствии — алфавитные (например, финикийские, греческие и т. д.)

Это не что иное, как тэйлоровская схема эволюции письма. Ни в какой мере она фактическому развитию письма не соответствует.

Во-первых, если уж обращаться к палеолиту, то идеографические знаки, вполне удовлетворяющие определению Морли, встречаются с того же времени, что и «пиктографические», т. е. рисунки (например, точки и «знаки пола» около изображений животных и без них на плитах из ориньякских слоев Ля Феррасси). Во-вторых, системы письма, состоящей исключительно или в основном из идеографических знаков, вообще никогда не было в употреблении ни у одного народа. Письмена вроде изобретенных чукотским пастухом Теневилем или—, для племени микмак—австрийским миссионером ордена редемптористов Каудером, приближающиеся к идеалу идеографического письма, никакого распространения не получили, не выдержали испытания временем и являются только индивидуальными. Иероглифическая письменность египтян, шумерийцев, китайцев, хеттов и других народов с самого момента своего возникновения из сложно-сюжетной пиктографии[23] имела в своем составе фонетические знаки (причем вовсе не обязательно слоговые).

В-третьих, иероглифика, конечно, «развивается» (т. е. изменяется писцами), но не в сторону приближения к алфавиту, а по линии удаления от него, так как число знаков нарастает[24]. Это явление — хорошо известный факт для китайской, египетской и других иероглифик.

---

[22] S. G. Morley, The Ancient Maya, Stanford University, California, 1946.

[23] Под сложно-сюжетной пиктографией я понимаю такого рода рисунчатое письмо, когда отдельные комплексы знаков (или попросту сценки), составляющие ряд, обозначают каждый предложение. С того момента, как отдельные комплексы знаков начинают обозначать слово, возникает иероглифика. Примером сложно-сюжетной пиктографии могут служить письмена оджибве.

[24] Поскольку увеличение количества знаков в иероглифике идет в основном не за счет фонетических, удельный вес последних в иероглифике на ранних стадиях может быть гораздо выше, чем впоследствии, как это имеет место в Текстах пирамид.

В-четвертых, звуковое письмо как общедоступное средство общения возникает не по ходу «естественного развития» иероглифики, а в результате ликвидации монополии на письменность писцов-профессионалов (в условиях рабовладельческого общества—жрецов). Ни египетские, ни вавилонские, ни китайские жрецы (а в более позднее время в Китае монополизировавшая письмо бюрократия) не создали алфавита за тысячелетия, более того — нисколько не отказались от иероглифики после знакомства с алфавитными системами (египтяне—с начала I тысячелетия до н. э., китайцы — с рубежа нашей эры). Звуковое письмо создали народы, не имевшие своей иероглифики и монополизировавшей ее жреческой касты,—финикияне и мероиты—на базе египетской иероглифики, персы и финикияне (Рас-Шамра) на базе вавилонской клинописи, японцы на базе китайской иероглифики. Из этого не следует, конечно, что народ, имеющий иероглифику, не может создать алфавитной системы. Нет никакого сомнения, что великий китайский народ, пользовавшийся иероглификой в течение всей своей классовой истории, в ближайшее время найдет способ сделать свою систему письма общедоступной, не отказываясь в то же время от классического наследства. Но этот тезис означает, что жречество либо бюрократия, монополизировавшие письмо, не хотят и не могут по своему социальному положению упрощать его, поскольку не могут подрывать собственную монополию. Попытки упростить иероглифику известны в Китае, и они решительно преследовались. Ни одного примера создания алфавита кастой жрецов, имеющей монополию на иероглифику, привести нельзя. Характерно положение письма в Японии, где, несмотря на существование слоговой азбуки (презрительно именуемой «женскими буквами»), образованные лица писали китайскими иероглифами с некоторым числом слоговых знаков.

Что касается майя, то поскольку у них, по свидетельству ранних испанских авторов, существовала строжайшая монополия касты жрецов на письменность, здесь не может быть и речи о фонетической системе. Коль скоро письменность майя не может быть и идеографической, потому что такой системы письма вообще не существует, очевидно, она является иероглифической. Кроме того, достаточно взглянуть на рукопись майя, чтобы увидеть все характерные признаки иероглифической системы — сочетание текста и рисунков, большое число реалистических идеограмм, сложные сочетания знаков, неопределенность направления строк и последовательности знаков в сочетании, неустойчивость орфографии.

5

Иероглифическая система письма характеризуется наличием трех категорий знаков — идеографических, ключевых и фонетических. Прежде всего необходимо внести ясность в смысл термина «идеограмма», потому что в употреблении этого понятия господствует наибольшая неразбериха у дешифровщиков.

Изучая знаки любой системы письменности, от пиктографии до алфавита, мы можем выделить реалистические рисунки предметов, стилизованные рисунки, изображения характерной части предмета по принципу pars pro toto, условные знаки (внеизобразительные) и т. д. При этом можно, конечно, назвать реалистические рисунки пиктограммами, а стилизованные и сокращенные — идеограммами.

Однако для чтения текстов важно не первоначальное происхождение данного знака, а его фактическое значение в данном тексте. Если классифицировать знаки иероглифической системы письма по их фактическому значению в контексте, а не по происхождению, то понятие «идеограмма» придется определить совершенно иначе.

Под идеограммой в иероглифической системе письма следует понимать знак, имеющий и смысловое и звуковое значение, или, иначе говоря, знак, обозначающий слово. При этом совершенно неважно, является ли данный знак реалистическим рисунком предмета, стилизованным рисунком, либо условным символом.

Ключевые знаки (или детерминативы) имеют только смысловое значение, но не звуковое, или, иначе говоря, обозначают понятие. Фонетические знаки обозначают либо отдельные звуки, либо слоги, либо сочетания согласных, в зависимости от характера фонетики и морфологии данного языка.

Важнейшей характерной чертой иероглифической системы письма, на что не обращалось внимания дешифровщиками письменности майя, является многозначность знаков. Один и тот же знак в различных сочетаниях может являться то идеограммой, то звуковым, то ключевым знаком.

Так, в египетской иероглифике:

pr — дом (идеограмма).

jrj — делать (идеограмма, первоначальное значение — глаз)

šmm — магазин (первые три знака — фонетические, последний — ключевой, указывающий, что речь идет о постройке).

pr. t — зима (все три знака — фонетические).

kd — спать (первые три знака — фонетические, последний, рисунок глаза, — ключевой).

В китайской иероглифике (транскрипция по В. С. Колоколову):

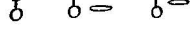
нью̈ — девица (идеограмма, стилизованный рисунок женщины).

цье — пока, итак (идеограмма, первоначальное значение — таблица предков).

дзе — старшая сестра (первый знак — ключевой, указывающий, что речь идет о женщине, второй фонетический).

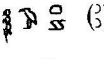
ну — раб, рабыня (первый знак — фонетический, второй, стилизованный рисунок руки, — ключевой).

При этом важно подчеркнуть, что в иероглифической системе письма фонетические знаки только приблизительно указывают на чтение. В китайском языке, где сочетания передают односложные слова, это выражается в неточном соответствии произношения одного и того же знака в разных комбинациях (см. в приведенных примерах *нью̈* и *ну*, *цье* и *дзе*). В египетском языке, где главную роль в слове играли согласные, фонетические знаки даются только для них, а огласовка отсутствует. Кроме того, фонетические знаки употреблялись наряду с идеограммами (так называемые «звуковые подтверждения»), указывая, что данная идеограмма читается именно так, а не иначе. Например, египетская идеограмма *nfr* — хороший — могла сопровождаться двумя или одним фонетическими знаками *f* и *r*.



Приблизительность звукового написания выражалась еще в так называемой инверсии (неправильном порядке знаков в сочетании).

Например:

 (3) *h. t* — поле; написано в порядке *h* — ꜣ — *t*.

njśwt — царь; написано в порядке *św* — *t* — *n*.

Инверсия вызывается главным образом каллиграфическими соображениями.

Особенности иероглифики майя определяются, как и во всех иероглификах, характером фонетики и морфологии этого языка. Для него характерен непоследовательный сингармонизм, вследствие чего возможны параллельные формы: *kikil* и *kikel* — кровавый; *chamac* и *chomac* — лисица; *tubul* и *tubolal* — забывать; *benet* и *binel* — идти; *yukuna* и *yakunah* — любовь [25]. Уже этого одного достаточно для предположения, что в иероглифике майя гласные выписывались не всегда и что гласные в слоговых знаках могли варьироваться.

6

Знаки, приведенные Д. де Ланда, несмотря на столетние нападки на него, действительно имеют то самое звуковое значение, которое он им приписал. Это вовсе не означает, конечно, ни того, что эти знаки не могут иметь никаких других значений, ни того, что письменность майя сплошь фонетическая, ни того, что ими исчерпываются все фонетические знаки иероглифики майя. Ланда сам говорит совершенно ясно, что он не приводит всех знаков. Из приводимых им примеров написания слов явствует, что один и тот же знак мог быть и слоговым и алфавитным (*k* и *ka* в — „алфавите" и в третьем примере: *ca* и *c* в «алфавите» и в иероглифе месяца *Zec*), т. е. что гласные выписывались не всегда или что гласная слогового знака была неустойчивой. Написание слов «петля» и «вода» свидетельствует о возможности инверсии в сочетании (неправильного порядка знаков), о чем опять-таки говорит сам Ланда.

Сведения Ланда вообще отличаются исключительной точностью. Все календарные знаки майя известны в конечном счете по тому же Ланда. Поэтому нет решительно никаких оснований сомневаться в достоверности его «алфавита». Все приведенные им знаки встречаются в рукописях, а приписанное им фонетическое значение вполне соответствует особенностям фонетики майя (различие *k* и *c*, *p* и *pp* и т. д.). Таким образом, «алфавит Ланда» безусловно имеет значение первоисточника.

Приведенные в «алфавите» знаки могут иметь, кроме звукового, еще ключевое и идеографическое значение. Например, знак *си* «алфавита Ланда» фигурирует у него, кроме того, как идеограмма дня *Cauac* и входит в состав иероглифов месяцев и периодов времени.

Cauac (Название дня)

Ch'en («Источник», название месяца)

Chac [26] («Красный», название месяца)

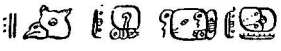
Katun (20-летие)

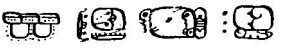
Совершенно очевидно, что в приведенных иероглифах этот знак употреблен как ключевой, обозначающий— «сезон, период».

[25] Примеры по A. M. Tozzer. A Maya Grammar. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, vol. 9, Cambridge, 1921.

[26] Ко времени завоевания этот месяц назывался *Ceh* (олень). Древнее название, соответствующее иероглифическому написанию, сохранилось в других диалектах.

Так как настоящая статья имеет целью изложение принципа расшифровки письменности майя, а не публикацию текстов, я ограничусь немногочисленными примерами. Наиболее наглядными для доказательства правильности чтения являются названия животных. Тексты, где они встречаются, снабжены рисунками, по которым животные устанавливаются безошибочно. Изображенные животные были определены специалистом-зоологом Г. М. Алленом при участии крупного знатока майя, и притом лингвиста, А. М. Тоззера [27]. Пользоваться «методом Шелльхаса», т. е. сличением текста и рисунка под ним, можно только с большой осторожностью, потому что текст и рисунки представляют собой параллельные смысловые ряды, которые могут совпадать, но часто не совпадают. В некоторых параграфах рукописей имеется только текст, в других — только рисунки. На стр. XXIX — XXX *c* Дрезденской рукописи рисунки, изображающие разные действия, сопровождаются совершенно стандартными фразами (меняются только знаки направления и цвета). Наоборот, на стр. XCIII *c* Мадридской рукописи совершенно стандартные рисунки сопровождаются разными фразами. Тем не менее пользоваться этим методом в отдельных случаях, особенно для наглядности, целесообразно. Можно начать хотя бы со стр. XVI—XVII *c* Дрезденской рукописи, где текст и рисунки, очевидно, совпадают, так как рисункам птиц соответствуют реалистические идеограммы, изображающие головы птиц (1-я и 5-я фразы).

1.  рисунок женщины с совой-сипухой (*muan*) на голове.

2.  рисунок женщины с птицей кецаль (*kuk* или *kukum*) на голове.

3. рисунок женщины с голубым попугаем (*moo*) на голове.

4. нет рисунка.

5. нет рисунка.

6. нет рисунка.

Итак, первый иероглиф 1-й фразы является идеограммой «*muan*» (сова-сипуха). Цифра 13 перед ней связана с небесной символикой чисел, поскольку речь идет о божественной птице, а по верованиям майя небес было 13. Вообще же появление числительных перед именем божественных животных — дело обычное у майя.

Иероглиф представляет собой повторенный дважды знак , с вполне понятной лигатурой, чтобы не растягивать знак в ширину, поскольку каллиграфия майя, подобно китайской и египетской, стремилась

[27] A. M. Tozzer and G. M. Allen, Animal Figures in the Maya Codices.

вписать иероглиф в квадрат. Этот знак легко отождествляется по конфигурации и точкам с значком *ku* «алфавита Ланда». Спутать его не с чем, потому что другого похожего знака в иероглифике майя нет. Следовательно, иероглиф птицы читается *kuk* или *kukum*, что значит

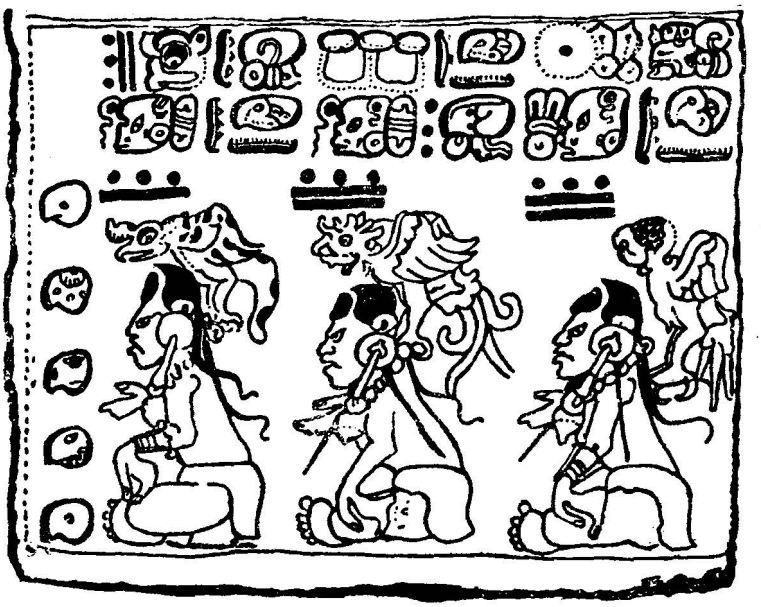


Рис. 1. Дрезденская рукопись стр. XVI *c*

кецаль, птица, изображенная на рисунке. Слово *ku* значит «бог» по-майяски. И действительно знак *ku* встречается отдельно перед иероглифами богов именно в этом значении на стр. LXXX—LXXXI *b* и XCVI *b* Мадридской рукописи. Знак *ku*, вообще редкий в рукописях, встречается еще в одном сочетании D.XIII *c*[28] и, что то же самое, M.XL *a*. В обоих случаях на рисунках под фразами изображен королевский гриф (*Sarcorhamphus papa*), по-майяски *kuch*. Знак имеет фонетическое значение *ch*, что ясно по иероглифу запада *chikin*, давно установленному. Таким образом, все сочетание читается *kuch* — королевский гриф, что и подтверждается рисунками.

На стр. D.XIII *c* на одном рисунке с королевским грифом изображена собака. В фразе над рисунком имеется знак , который Тозер, Вильякорта, Томпсон и другие авторы толкуют как «знак собаки» (потому что он регулярно встречается над изображениями собаки). Приведу, в виде иллюстрации, комментарии к этому знаку дешифровщиков «идеографического» толка. По их мнению, основным знаком сочетания является первый, а второй — вспомогательным. Основной знак изображает собачьи ребра, почему и является идеограммой собаки. На этом основании все сочетания с «собачьими ребрами» стали толко-

[28] Для упрощения ссылок в дальнейшем изложении D. будет обозначать Дрезденскую рукопись, M. — Мадридскую.

ться как «знак собаки», например , хотя в рисунках под ними же ничего собачьего не было.

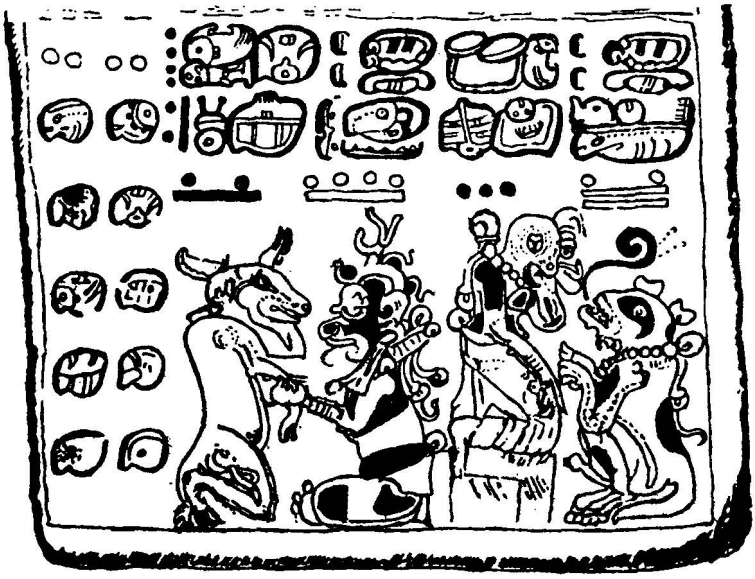


Рис. 2. Дрезденская рукопись, стр. XIII *c*

Рис. 3. Дрезденская рукопись, стр. XL *в*

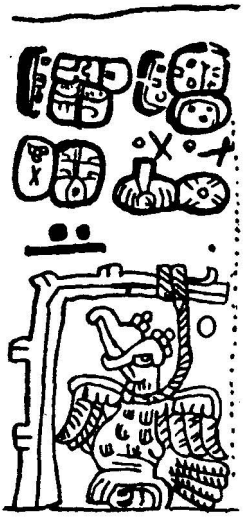


Рис. 4. Мадридская рукопись, стр. XCI *а*

В действительности сочетание — чисто фонетическое написание *tzul* — собака. Второй знак тождествен знаку *l* «алфавита Ланда». Фонетическое значение *tz* первого знака легко подтверждается сочетанием , которое в таком случае должно читаться *cutz* —

индюк (первый знак, по Ланда, читается *си*). Действительно, это со четание фигурирует в фразе над изображением индюка на стр. M.XCI равно как и на стр. D.XXX *b* среди знаков жертв, взамен обычно идеограммы, изображающей голову индюка.

Рис. 5. Мадридская рукопись, стр. XL *а*

Рис. 6. Дрезденская рукопись, стр. XXXVI *в*

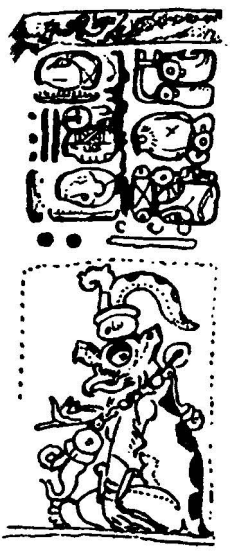


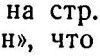
Рис. 7. Дрезденская рукопись стр. X *а*

Итак первый иероглиф 6-й фразы читается *cutz* — индюк. На стр D.XL *b* изображена бросающаяся сверху собака с горящими факелами в лапах (небесная собака—молния, мифический персонаж). В фразе над рисунком к обычному написанию собаки прибавлен еще один знак , очевидно ключевой, обозначающий «небо», поскольку речь идет о небесной собаке. Действительно, этот знак, как правильно предполагал Гэйтс, является идеограммой неба. Написание с звуковыми подтверждениями дает чтение *caan*, небо (— *ca* в «алфавите Ланда»). Кстати, на этом иероглифе удобно проиллюстрировать, что грамматические частицы не выписывались отдельно, а присоединялись к управляемому слову; так значит *ti caan* — в небе (знак *ti* встречается в третьем примере Ланда).

Перейдем к первому иероглифу 3-й фразы. Второй и третий знаки легко отождествляются с знаком *о* «алфавита Ланда», и таким образом чтение *moo* — голубой попугай (*Ara militaris*, т. е. птица, изображенная на рисунке) становится совершенно очевидным. Фонетическое значение первого знака подтверждается наличием его в иероглифе *ch'om* — черный гриф (*Catharista urubu*), где он фигурирует в качестве звукового подтверждения *m* к идеограмме, изображающей голову черного грифа[29]. Другим написанием слова *ch'o*

[29] См. A. M. Tozzer ane G. M. Allen, Указ. раб., табл. 18.

будет первый иероглиф 4-й фразы , что видно по рисунку на пр. D.XVII *b* (фонетическое написание с ключевым знаком; ср. иероглиф месяца *Zotz* и пр.). Первый иероглиф 5-й фразы читается *coot*-рел (идеограмма с звуковым подтверждением *t*).

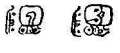
Попугай — *moo* имеет еще одно написание на стр. D.XL *b*, где на рисунке изображен антропоморфный попугай с горящими факелами в руках (небесное божество): . Цифра 4 относится, как и у муана к небесной символике. Нижний знак — явно реалистическая идеограмма, изображение головы попугая с характерным оперением около глаза [30]. В таком случае знак , очевидно, является звуковым подтверждением. Этот же знак появляется в иероглифе над изображением совы *muan* на стр. D.X *a*. Вильякорта толкует этот иероглиф как «знак бога муан», что подтверждается и цифрой 13, той же, что при идеограмме муана в 1-й фразе. Знак — уже известная идеограмма неба, употреблен в данном случае, поскольку речь идет о небесном божестве (как и в случае с небесной собакой), а знак — как фонетический. Далее, этот последний знак фигурирует в иероглифе на стр. D.XIII *c* над изображением ягуара. Что ягуар обозначен именно этим иероглифом, ясно, во-первых, по сличению фраз этого параграфа, а во-вторых, по тому, что реалистическая идеограмма ягуара  сопровождается той же цифрой 4. Знак уже известен как *ch*; фигурирует в словах *moo* и *muan*. В целом иероглиф читается *chacmool* — ягуар. В данном случае имеет место не совсем последовательный порядок знаков, еще ярче выраженный в написании того же иероглифа на стр. D.XXI *b*, явно вызванный каллиграфическими соображениями. В примерах с хорошо видна неустойчивость гласных слогового знака, характерная вообще для языка майя (тот же *chacmool* может произноситься *chacmul*). Знак этот первоначально изображал, повидимому, лапу с когтями — *mool*. Что касается знака , то его фонетическое значение *c* подтверждается иероглифом — *can* — змея (D.XXXVI *b* над изображением змеи).

Идеограмма совы *muan* служила также иероглифом месяца *Миап*. Однако в одном месте стр. D. LVI название месяца *Миап* написано . Этот иероглиф стоит среди календарных вычислений наряду с другими иероглифами месяцев. Что он действительно обозначает месяц *Миап*, подтверждают все специалисты по календарю, от Ферстемана до Томпсона, который называет его «спиральным вариантом» муана. В действительности это фонетическое написание с ключом. Звуковое значение знака *mu* или *m* подтверждается иероглифом *ulum* — индюк (второе название). Знаки *u* и *l* приведены в «алфавите Ланда». Иероглиф этот рисунком не сопровождается, но, по-

[30] См. там же, табл. 40.

скольку он стоит в одном ряду с иероглифами пекари и совы-муа нет никаких причин не попасть туда и индюку. Установление фо нетического значения этого знака дает возможность прочесть второ иероглиф 1, 3, 5-й и 6-й фраз и его варианты, поскольку все со ставные части известны. Он читается *и mut* — ее тотем (не совсе точный перевод; A. B. Vasquez [31] переводит *и mut* — «su atribut pronóstico» — «его вещее знамение»). Такое значение этого иероглиф полностью подтверждается всеми случаями его появления во фразах, поскольку он неизменно следует за иероглифом животного, либо бо жества (стр. D.XVII *b*, M.XVI *c*, M.XCIV *c*, M.XVII *a*). В 3-й и 5-й фра зах к фонетическому написанию присоединен ключевой знак (частиц *и* часто опускается и в языке).

Поскольку иероглифы *и mut* и *и muc* встречаются в одинаковы фразах в двух вариантах:



и mut

и muc

очевидно, что фонетическое значение знака — также *ти*. В каче стве второго звукового подтверждения он фигурирует в вариантах уже встречавшегося иероглифа *муан*:

D.XLVII

D. XLVII

D. VII *c*

Все эти иероглифы обозначают «небесного муана». Ср. названи небесной страны богов, сохранившееся в мексиканской передаче *Tamoanchan*, т. е. «страна небесного муана».

На стр. D. XXX—XXXI *c* встречаются иероглифы четырех «мировы деревьев», хорошо известных в мифологии майя. Из них иероглиф «красного дерева» выписан с звуковым подтверждением:

и читается *chac che*.

давно установленная идеограмма красного цвета, *chac*.

знак *е* в «алфавите Ланда»; здесь — в качестве звукового подтверждения к идеограмме дерева.

идеограмма дерева, *che*.

Далее, знак *е* встречается в иероглифе M. XCI *a*, представля ющем собой не что иное, как упрощенный вариант первого примера Ланда. Дешифровщики за сто лет сумели его не заметить. Читается он, естественно, по Ланда, *и le* и означает — его петля (параграф трактует об охоте). Вместе с последующим, уже прочтенным иероглифом получается *и le cutz* — силок для ловли индюка. На рисунке под фразой изображен, как комментирует Вильякорта, «индюк, пойманный в петлю, подвешенную к дереву».

Не имеет смысла приводить дальнейшие образцы использования знаков «алфавита Ланда» и прочих знаков в иероглифах рукописей майя. Не будучи связанными с рисунками животных, они менее

[31] A. B. Vasquez, El pronostico de los 20 signos de los dias del calendario Maya, Vigesimoseptimo Congreso Internacional de Americanistas, t. I, Mexico, 1942, стр. 476.

глядны, хотя не менее убедительны. Приведенные примеры уже охва-вают третью часть «алфавита Ланда». Кроме того, каждый желаю-й при некотором запасе слов майя и соблюдении принципов иеро-ифического письма сможет набрать в рукописях и надписях удо-етворяющее его количество примеров. Дальнейшая работа — уже не шифровка, а разработка филологии майя.

Имеются следующие основания считать расшифровку письменности йя правильной:

1. Принцип написания прочтенных слов майя типичен для иеро-ифической системы письменности.
2. Фонетическое значение знаков в прочтенных словах совпадает алфавитом Ланда», который является первоисточником, поскольку ходит непосредственно к майяским информаторам.
3. Прочтенные слова являются самыми обыкновенными, хорошо вестными словами языка майя, зарегистрированными всеми словаря-, а отнюдь не какими-либо гипотетическими. Написание точно соот-ствует фонетике, а порядок слов — синтаксису языка майя.
4. Смысл прочтенных слов подтверждается сопровождающими ст рисунками.

7

Знаки майя несомненно местного происхождения и не заимствованы у какого народа (в последнее десятилетие делались попытки писать изобретение письменности майя олмекам). Об этом свидетель-вует тот факт, что произношение знаков соответствует названиям браженных предметов, как например:

lu — рыба.

tzictzac — скелет.

chic — хватать, собирать (сжатая кисть руки).

kab — рука (кулак).

mool — лапа с когтями.

ma — нет (разведенные руки, жест отрицания).

Вопреки утверждениям Шелльхаса, Гэйтса и других авторов, подав-ющее большинство знаков слабо стилизовано и первоначальный ысл их сравнительно легко устанавливается. Стилизация знаков чуть не больше, чем в египетских или раннекитайских, хотя запу-вающим обстоятельством оказалась манера заключать знак в овал.

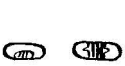
По форме знаки майя целесообразно разделить на пять групп, сле-я каллиграфии самих писцов майя:

Фигурные и т. д.

Неполно-фигурные и т. д.

Фигурно-овальные и т. д.

Овальные и т. д.

Неполно-овальные  и т. д.

При этом один и тот же знак может быть в разных вариантах, а ысловое значение всех групп совершенно равноценно. Из этих групп шительное преобладание имеет группа овальных знаков.

Фонетические знаки в большинстве случаев слоговые, хотя они огут обозначать и один согласный, особенно в конце слова. Фоне-

тическими подтверждениями являются обычно знаки, обозначающие согласные звуки, а подтверждают они, как правило, конечный звук слова.

Порядок знаков в сочетании обычно слева направо и сверху вниз, хотя во многих случах наблюдаются отступления по каллиграфическим соображениям (и даже без таковых). Положение ключевого знака в сочетании, как и в китайской иероглифике, неопределенно.

Направление строк — слева направо, часто также сверху вниз, за исключением последних страниц Парижской рукописи, где направление строк (а также знаков в сочетании) — справа налево. Форма знаков в рукописях («иератическое письмо») значительно отличается от формы знаков в надписях на камне («лапидарное письмо»). При этом сам «лапидарный шрифт» имеет несколько вариантов в зависимости от способа нанесения знаков на материал. По форме знаки в надписях на керамике близки к знакам рукописей.

В области распространения культуры майя существовала иероглифическая письменность также у олмеков (штат Вера Крус в Мексике; памятники из Трес Сапотес и Ла Вента), сапотеков (штат Оахака в Мексике, памятники из Монте Альбан) и толтеков (долина Мехико; письменность не сохранилась, кроме отдельных знаков). Делать какие-либо заключения о них пока преждевременно, но все они так или иначе связаны с письменностью майя, хотя и обладают ясно выраженными особенностями. Письменность у ацтеков (очевидно, толтекского образца) находилась в зачаточном состоянии, и в их рукописях (дошедших в значительном количестве) иероглифы употребляются обычно по-одиночке для комментирования рисунков (названия местностей, имена персонажей и т. д.).

Подводя итоги всему изложенному, можно констатировать следующее: система письменности майя является типичной иероглификой и по принципам написания слов не отличается от известных иероглифических систем. История народов Центральной Америки доступна изучению по письменным источникам.